

М. М. Сафонов

«Молодая Екатерина» в отечественной историографии¹

«Да, человек смертен, — говорит на Патриарших прудах герой знаменитого романа М. А. Булгакова, — но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер».

Утром 5 ноября 1796 г. Екатерина II пила кофе, а вечером того рокового дня она уже корчилась в предсмертной агонии на сафьяновом матрасе на полу собственной опочивальни. С императрицей случился апоплексический удар. В 21 ч. 45 м. 6 ноября ее не стало².

Почти четверть века она работала над своими автобиографическими записками. Они должны были увековечить образ Екатерины в памяти потомков.

Внезапная кончина сорвала этот замысел. Точнее говоря, не позволила осуществить его так, как задумала императрица. И не потому что неожиданная кончина помешала окончить многолетний труд. Просто апоплексия, сразившая Екатерину в то ноябрьское утро, не позволила императрице подготовиться к смерти. А ведь Екатерина собиралась жить по крайней мере до восьмидесяти лет³. Она была уверена, что у нее еще есть время. Если бы государыня хотела остаться в памяти потомков такой, какой она описала себя в «Записках», она была должна, точнее обязана, уничтожить черновики и подготовительные

¹ Доклад, прочитанный в 2004 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета на конференции «Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки». К 280-летию Санкт-Петербургского государственного университета и 70-летию исторического факультета.

² См. подробно: Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 7–9.

³ Дневник А. В. Храповицкого. СПб., 1901. С. 231.

материалы. Сама того не желая, она оставила ценнейший материал для опровержения того, что в конце концов написала о себе. Однако, как это ни кажется странным, никто из историков в полной мере такой возможностью не воспользовался.

Екатерина создала две редакции «Записок». И они очень существенно отличаются друг от друга. Первая редакция относится к началу 1770-х гг., т.е. написана женщиной, которой шел пятый десяток⁴. Работа над второй редакцией протекала в середине 1790-х гг., когда Екатерине шел седьмой десяток⁵.

Обе редакции «Записок», и 1770-х, и 1790-х гг. столь сильно разнятся друг от друга, что может даже создаться впечатление, будто бы они написаны разными людьми. В них созданы два совершенно разных образа автора мемуаров, т.е. Екатерины. И это само по себе важнейший предмет, требующий объяснения.

В первой редакции своих «Записок» Екатерина II старается создать образ довольно непосредственной девушки, очень живой и энергичной, а главное, от политики бесконечно далекой. Она не борется ни за престол, ни за власть, совершенно чужда каким-либо интригам, заговорам, тайным козням. Само провидение предназначило ей корону, она же верила в свое предназначение, но ничего не делала, чтобы овладеть скипетром⁶. Это очень чистое и политически совершенно девственное создание. Она почти еще совсем ребенок. Недаром врач уверял, что у семнадцатилетней Екатерины голова шестилетнего ребенка, так как «головные кости еще не срослись»⁷. Соответственно и она ведет себя как ребенок: любит прыгать, скакать, обожает жмурки, возню, всевозможные ребяческие проказы и детские игры. Естественно, она увлекается танцами, нарядами, драгоценностями⁸.

Почти постоянно она подвергается беспричинным притеснениям, обидам⁹. Императрице и людям, которых она уполномочила наблюдать за невесткой, претит ее веселый и общительный характер. Она раздражает их своей живостью. Стареющую императрицу раздражает красота молодости. Ревность ее вызывают и туалеты великой княгини¹⁰. Императрица недовольна тем, что невестка тратит много денег на туалеты и постоянно находится в долгах. Но раздражение это вовсе неоправданно, ибо происхождение этих долгов вполне естественно и не может вызвать нареканий. Тем не менее Екатерина всё время подвергается незаслуженным унижениям и оскорблениям. Вплоть до того, что, увидев на ней новое красивое платье, ее бранят за отсутствие детей, тогда как виноват в этом только ее муж, физическое развитие которого не позволяло ему

⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 1–194.

⁵ Там же. С. 201–461

⁶ Там же. С. 10, 12.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 1, 13, 14, 19, 29, 37, 38, 41, 42, 49, 50, 56, 61, 62, 68, 70, 73, 74, 80, 115, 116, 139.

⁹ Там же. С. 102, 107, 108.

¹⁰ Там же. С. 115, 116, 139, 162.

стать отцом ранее двадцатипятилетнего возраста. Вследствие этих второстепенных причин режим содержания Екатерины постоянно ужесточается. Однако она не может найти этому разумного объяснения, кроме прихоти, капризов и самодурства. Когда ее совершенно беспричинно бранят, она никогда не знает, за что именно и в чём она провинилась на этот раз.

Совсем иной предстает Екатерина во второй редакции своих «Записок». От былого образа непосредственного ребенка не осталось и следа. Это кристально чистое в нравственном отношении существо с мужским умом и характером, и в то же время с очаровательной женской внешностью, «благородный рыцарь», единственными жизненными побуждениями которого всегда были «самая строгая честность и добрая воля»¹¹. Разумеется, здесь уже нет ни прыжков, ни возни, ни детских проказ, ни ребяческих забав. Это вполне взрослый человек, «философ в пятнадцать лет», развитый не по годам. Образ резвящегося инфанта «уступлен» мужу, но его ребяческая непосредственность совсем иного рода, чем ранее была у автора. Она граничит с инфантилизмом. То, что ранее подавалось как проявление живой детской непосредственности Екатерины, теперь представляется как плод замедленного умственного и физического развития ее мужа, который не может зачать ребенка просто потому, что еще психологически не стал взрослым мужчиной¹². Этот «отрицательный» инфантилизм служит великолепным фоном, на котором теперь уже интеллектуализм Екатерины проявляется еще ярче. Она умна не по годам. Во всем демонстрирует умственное превосходство и интеллектуальную силу рано развившейся девушки.

Разумеется, новый образ «умной» Екатерины требовал и соответствующих интересов. Ее не увлекают ни балы, ни украшения, ни наряды. Ее интересы не в мишуре придворной жизни, они — совсем в другой интеллектуальной области: она прилежно изучает русский язык, читает книги, любит умные беседы. При этом она чрезвычайно набожна, искренне религиозна. Ее считают «прилежным ребенком». И действительно, она еще больше, чем в первой редакции, чужда политике. Она ни на что не претендует и во всем сообразуется с волей императрицы, делает, что ей прикажут. Даже в тех эпизодах, где ранее вопреки замыслу автора нет-нет, да и проскользнет интерес к политическим делам, теперь малейшие следы этого тщательно вытравлены. Если в первой редакции ребячливая и непосредственная Екатерина вопреки своим склонностям всё же оказывается втянута в политическую борьбу — во время опасной болезни императрицы у великой княгини, хохотушки и попрыгуньи, — появляется, однако, план спасения себя и своего супруга¹³, то во второй редакции «умная» и искренне набожная жена инфантильного Петра, полу-мальчика, полу-мужчины, даже и не думает ни о чем подобном.

¹¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 444, 445.

¹² Там же. С. 203, 204, 206, 207, 210, 213–215, 218, 219, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 238, 240–241, 252, 260–262, 286, 292, 295, 297, 298, 300.

¹³ Там же. С. 145, 146.

Она, как и ранее, подвергается несправедливым притеснениям. То ее обвиняют в том, что она не любит мужа (но как его можно любить?), то совершенно безосновательно подозревают в амурах с камер-лакеем. Ее унижают совершенно незаслуженно. Но конфликты с Елизаветой и ее окружением происходят на другой почве. Недалекую и ограниченную императрицу с замашками настоящего самодура раздражает интеллект невестки. Ее бранят за то, что она считает себя слишком умной.

Теперь причина постоянного недовольства Елизаветы и надзирающих за Екатериной лиц не в излишней живости и веселости малого двора. Их беспокоит, что «умная» невестка всё время тратит деньги. Императрицу беспокоят долги Екатерины, молодой и богато одетой. Но она вынуждена тратиться на наряды, не по душевной склонности, а потому что придворный этикет требует, чтобы жена наследника была богато одета, а это вводит ее в долги. Елизавету раздражают и долги, и наряды невестки, а главное, умственное превосходство великой княгини. Поэтому из окружения Екатерины постоянно один за другим удаляются преданные ей лица, но не потому, что они любят веселье, как это было раньше. Теперь их удаляют исключительно за то, что они преданы Екатерине¹⁴.

Сходство образов Екатерины в обеих редакциях лишь в том, что она абсолютно чужда политике. Какой же из этих двух образов более соответствует действительности? Никакой! Подлинная Екатерина — это та женщина, которая создала эти два образа, столь непохожих друг на друга¹⁵. Зачем же она это сделала? Затем, чтобы скрыть от потомства свой подлинный облик. Чтобы читатель никогда не узнал правды о том, как она боролась за трон. Она пробовала сделать это разными путями. Обе редакции отражают две попытки конструирования этой исторической неправды. Усилия мемуаристки не пропали даром. Облик, слепленный в последней редакции, отпечатался в сознании потомства. В 1859 г. Герцен обнародовал текст последней редакции и как бы освятил своим авторитетом образ Екатерины, ей самой представленный. С тех пор именно этот образ вошел в литературу¹⁶. В. А. Бильбасов, автор наиболее обстоятельной биографии Екатерины до ее воцарения, и поныне остающейся самым полным собранием фактического материала, сделал этот облик почти что каноническим¹⁷. Хотя историк и отмечал определенную тенденциозность «Записок» и «заведомую неправду»¹⁸, он тем не менее перенес в свой труд едва ли не все основные положения и самохарактеристики Екатерины из этого

¹⁴ См. подробнее: Сафонов М. М. «Записки» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 76–81.

¹⁵ См. подробнее: Сафонов М. М. Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. Нестор. № 7. СПб., 2005. С. 213–242.

¹⁶ Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859: Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 1–254.

¹⁷ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I. С. 1–474.

¹⁸ Там же. Т. XII. Ч. II. С. 339, 340.

текста. И хотя в литературе того времени уже появились сведения о существовании текста первой редакции мемуаров, представлявшей совсем иной образ великой княгини, биограф считал их недостоверными и полностью пренебрегал ими. Все последующие исследователи в общем-то шли по пути, проложенному В. А. Бильбасовым. Академическая публикация первой редакции «Записок», осуществленная А. Н. Пыпиным¹⁹, равно как и других подготовительных материалов ко всем редакциям, поставила много вопросов²⁰, но не изменила образ Екатерины, нарисованный ею самой в заключительной редакции. Он лишь слегка подправлялся, уточнялся, углублялся на основе данных из других редакций, но в основе своей оставался неизменным. В советское время «Записками» Екатерины II как историческим памятником никто не занимался, даже с целью пропагандистского разоблачения. Да это было и невозможно²¹.

Во время перестройки и в постперестроечные годы на рубеже XX и XXI вв. в России появился целый ряд не критических сочинений о Екатерине II, в которых в той или иной степени рассматривался вопрос о ее «Записках»²². Эти сочинения носили поверхностный характер²³ и отличались откровенно

¹⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. С. 1–495.

²⁰ Корнилович О. Е. Записки императрицы Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 10–29.

²¹ В советский и перестроечный периоды «Записки» Екатерины II вызвали интерес только в связи с тем фактом, что они были опубликованы А. И. Герценом и рассматривались как факт его борьбы с самодержавием (см. подробнее: *Эйдельман Н. Я.* Мемуары Екатерины II // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 154–180; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859: Репринтное воспроизведение. М., 1990; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. М., 1992. С. 155–194).

²² *Анисимов Е. В.* 1) «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II: Репринтное воспроизведение издания 1859 г. М., 1990. С. 3–24; 2) Женщины на российском престоле. СПб., 2002. С. 208–312; *Михайлов О. Н.* Екатерина II — императрица, писательница, мемуарист // Москва. 1990. № 4. С. 199–207; *Каменский А. Б.* 1) «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992. С. 15–57; 2) Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 8–55; *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 5–27; *Рахматуллин М. А.* Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 19–47.

²³ Едва ли писатель О. Н. Михайлов, выступивший в роли историка, заслуживает серьезного критического разбора. Что же касается историка Е. В. Анисимова, то его сочинения о Екатерине II не могут не вызвать недоуменного вопроса: «В каком, собственно, жанре написаны эти работы?». А. Н. Радищева, автора одного из самых сильных стихотворений XVIII в. «Оснадцатое столетие», Е. В. Анисимов снисходительно назвал «посредственным писателем» (*Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. С. 395). Но при этом, совершенно в духе времени, разумеется перестроечного, обнаружил незаурядные «литературные способности» у Екатерины II (*Анисимов Е. В.* «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность. С. 11). Однако его собственные рассуждения о пьесах Екатерины абсурдны. Чего, например, стоит такая фраза Е. В. Анисимова: «В своих комедиях Екатерина II с помощью оглушения подразумеваемых ею противников стремилась укрепить

панегирическим духом. И хотя по большей части они были написаны профессиональными учеными, эти труды больше напоминали научно-популярные

престиж власти, показать никчемность надутых Спесовых, брюзжащих Ворчалкиных, пропойных Некопейкиных — всех, кто недоволен действиями режима» (Там же. С. 10). Если принять во внимание, что в образе госпожи Ворчалкиной Екатерина изобразила самоё себя, то возникает недоуменный вопрос, кто кого «оглуляет» и с кем боролась императрица-писатель? Создается впечатление, что исследователь в глаза не видел комедии, о которой рассуждает. Иначе прожектёр Некопейкин не превратился бы в пропойцу, ибо его отношения с алкоголем в пьесе никак не затронуты. В фамилии же Некопейкин заключена авторская издевка над тем, что он создает проекты, как заработать много денег, однако сам сидит без гроша. Да и образ его таков, что этот персонаж скорее стал бы сочинять проект по борьбе с зеленым змием, нежели сам притронулся к спиртному. Другой пример. Касаясь щекотливейшего вопроса о происхождении Павла I, Е. В. Анисимов обращается к хорошо известному документу «Чистосердечная исповедь» Екатерины II (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 713) и приводит цитату: «Марья Чоглокова, видя, что через девять месяцев обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому иного способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела...» Екатерина выбрала Сергея Салтыкова. Однако он, комментирует Е. В. Анисимов, «появился в поле зрения великой княгини не сразу после девяти месяцев ее супружества, как может показаться нам из «Чистосердечной исповеди», а несколько лет спустя после назначения Чоглоковой... в 1752 г.» (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 304–305). Девять месяцев и девять лет, конечно, далеко не одно и то же, тем более что, когда речь идет о происхождении ребенка, хронология событий далеко не второстепенная вещь. При том что комментатору вовсе не нужно было пускаться в «исследовательские» изыскания, чтобы внести ясность в этот вопрос. Было бы достаточно просто внимательно прочитать «Чистосердечную исповедь». Ведь в ней в действительности речь идет вовсе не о девяти месяцах, а о девяти годах. По словам Е. В. Анисимова, цитируемый отрывок близок к первому варианту «Записок» (Там же. С. 304). На самом же деле прослеживается текстуальная близость этого отрывка с их заключительной редакцией. Но и там речь идет о событиях, имевших место семь лет спустя после свадьбы (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 338). И это тоже имеет значение для решения «щекотливейшего вопроса». Еще раз хочется задаться вопросом, кто же кого «оглуляет»? Невиннейшей оговоркой выглядит фраза Е. В. Анисимова о том, что Екатерина рассказывала Н. П. Румянцевой, как обхаживала влиятельных старушек, чтобы завоевать общественное мнение (Анисимов Е. В. «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность. С. 19). Можно лишь удивляться, как Н. П. Румянцев под пером ученого превратился в женщину (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 126–129). Видимо, статс-дама М. А. Румянцева, исполнявшая обязанности обер-гофмейстерины при великой княгине, и будущий канцлер Н. П. Румянцев в воображении автора слились в одно лицо. Не менее значительно выглядит и то, что директор Академии наук Е. Р. Дашкова превратилась в президента (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 395), а дата приезда Д. Дидро в Петербург указана с ошибкой на два года: 1775 г. (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 364). Ошибка не просто в хронологии. Дидро появился в Петербурге в момент бракосочетания наследника Павла, когда благодаря женитьбе цесаревич стал совершеннолетним и его матери, занимавшей престол вместо несовершеннолетнего сына, очень важно было устами французского философа убедить просвещенную Европу в том, что она достойна это делать и при совершеннолетнем великом князе. Произвольно «передвинув» приезд издателя Энциклопедии на два года, Е. В. Анисимов как бы расписался в том, что он плохо понимает то, о чем пишет.

сочинения, преследующие цель восстановить репутацию Екатерины II, незаслуженно опороченную в советское время. При этом их главным «союзником» в борьбе за «реабилитацию» самодержицы стал В. А. Бильбасов, написавший хвалебную биографию царицы на основании, как уже отмечалось, второй редакции «Записок». Употребляя выражение А. М. Скабичевского, можно назвать биографические сочинения о Екатерине этой поры «скороспелыми борзописаниями». Тем не менее они чрезвычайно интересны с точки зрения того, какими зигзагами развивалась отечественная историография в переломные моменты истории нашей страны, действуя по принципу колебания маятника.

Для всех этих перестроечных и постперестроечных работ характерна удивительная для критического научного исследования почти слепая вера в достоверность мемуаров Екатерины как исторического источника и в абсолютную искренность их автора. Трудно читать без улыбки панегирическое восклицание М. А. Рахматуллина: «А кто из ее преемников на троне оставил после себя мемуары, подобные ее бесценным “Запискам”, написанным легким пером и с предельной откровенностью».²⁴ Замечу, не просто с «откровенностью», а именно «с предельной откровенностью». С этим наблюдением может соперничать лишь заключение другого московского специалиста А. Б. Каменского: «Мемуары Екатерины — это... исповедь, написанная с той мерой искренности, какая вообще была возможна для державного автора»²⁵. Стоит ли удивляться тому, что все эти постсоветские авторы просто-напросто переписали мемуары Екатерины в их последней редакции, сопроводив текст автора по сути дела «адвокатскими» комментариями.

Во многом это объясняется тем, что такая манера вообще-то характерна для «скороспелого борзописания», т.е. полного пренебрежения предшествующей историографией, незнания тех работ, в которых достоверность воспоминаний Екатерины ставилась под определенное сомнение. Например, у Е. В. Анисимова есть ссылка на работу О. Е. Корнилович, однако и ссылка дана фиктивная, и фамилия автора указана неверно: «Коялович»²⁶. По всей видимости, Е. В. Анисимов никогда не видел той работы, на которую ссылался. В противном случае она заставила бы его задуматься о многом²⁷.

²⁴ Рахматуллин М. А. Непокоримая Екатерина. С. 25.

²⁵ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 35. О «необычной искренности» «Записок» императрицы писал Н. Я. Эйдельман (Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. С. 172).

²⁶ Коялович О. Записки Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Июнь. В действительности же: Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 37. С. 37–74.

²⁷ О. Е. Корнилович сопоставила одни и те же эпизоды, изложенные в каждой редакции (там, где это можно сделать), и выявила очень существенные различия в их трактовке. Она отметила тенденциозность автора «Записок» в передаче фактов, но подчеркнула, что Екатерина делала это настолько мастерски, что, если бы не было прежних рукописей,

Все вышеперечисленные авторы убеждены, что до середины 1750-х гг. Екатерина занималась выполнением своего плана, который возник у нее сразу же по приезде в Россию: 1) нравиться великому князю; 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу²⁸. Все современные биографы приняли утверждение императрицы, направляющее исследователей по ложному пути, за чистую монету. Они не сумели понять, что мемуаристка не раскрывает свою политическую лабораторию, а как раз наоборот, старается ее скрыть.

А. Б. Каменский отмечал, что Екатерина писала эти слова «весьма откровенно, самонадеянно и цинично»²⁹. По его мнению, «этот отрывок на редкость информативен». Екатерина как бы распахивает дверь в «лабораторию своего превращения в политика, своего успеха в жизни». По словам автора, отрывок «откровенно циничен». Императрица смело «выставляет напоказ свой цинизм». Историк простодушно уверен в том, что Екатерина описала свой «механизм достижения успеха». Естественно, вслед за своим державным поводырем все постсоветские авторы утверждали, что Екатерина до середины 1750-х гг. политикой не занималась, но безрассудное поведение мужа заставило ее для спасения себя, детей и отечества включиться в политическую борьбу. А. Б. Каменский писал о том, что Екатерина, «наблюдая за управлением Елизаветы Петровны, пришла к убеждению: окажись власть в ее руках, она бы лучше знала, что и как делать, а результаты ее правления были бы гораздо более основательны». Удивительно, как автор не осознает, что если великая княгиня политикой не занималась, то и не могла прийти к этому выводу, потому что такого рода сравнение и есть действие политическое.

Удивительно ли, что в работах современных отечественных биографов императрицы Екатерина представлена именно такой, какой она описала себя в последней редакции «Записок». Никто из них не усомнился в достоверности этого образа. Он лишь слегка корректировался, а точнее сказать, «дополнялся» данными из первой редакции.

Е. В. Анисимов, сопоставляя обе редакции «Записок», впрочем, весьма поверхностно, пытается определить, в какой из них тот или иной эпизод изложен более достоверно. Так, например, в 1745 г. в Петербурге произошла встреча

никто не заподозрил бы императрицу в неискренности. Исследовательница считала наиболее искренней редакцию, созданную в начале 1770-х гг. Самой тенденциозной О. Е. Корнилович считала последнюю редакцию, обнародованную Герценом. Исследовательница верно подметила, что в последней редакции автор старался максимально удалить все свидетельства своего участия в политической жизни и интригах того времени. Все эти соображения привели О. Е. Корнилович к важному выводу: надо пользоваться «Записками» Екатерины с большой осторожностью. Она бросила В. А. Бильбасову серьезный упрек в том, что он не придерживался этого правила и пользовался герценовской публикацией, не подозревая о ее недостоверности (*Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 11, 20, 27–29*).

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 58.

²⁹ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...» С. 31.

Екатерины и брата шведского министра иностранных дел Г.-Ю. Гюлленборга (в сочинении Н. И. Павленко он почему-то назван Гюлленбердом³⁰), с которым она была знакома еще в Гамбурге. В первой редакции этот эпизод изложен так, что швед был поражен тем, как светская жизнь испортила ум и душу великой княгини, и посоветовал заняться серьезным чтением. Но Екатерина, взяв книгу в руки, вскоре отбросила ее, и снова окунулась в омут придворных развлечений³¹. Однако во второй редакции «философ в пятнадцать лет» дал слово заняться серьезным чтением и его сдержал³². По этому поводу Е. В. Анисимов глубокомысленно заметил, что ранняя редакция «более отражает истину»³³. К сожалению, от автора ускользнула суть. Образ непосредственного ребенка предполагал, что он предпочтет развлечения книгам. А вот имидж развитой не по годам девушки требовал того, чтобы вместо танцев и нарядов она стала бы серьезно изучать политические трактаты. Очевидно, Е. В. Анисимов не понимает сути, отчего эти сопоставления лишены смысла. Различно излагая один и тот же эпизод в обеих редакциях, Екатерина совершенно произвольно трактует его в зависимости от того, какой именно образ она создает. Поэтому речь не может идти о том, какая трактовка более достоверна, а какая — менее. То же следует сказать об увлечении Екатерины верховой ездой и охотой. «Став великой княгиней, Екатерина впервые занялась верховой ездой и сразу же достигла замечательных успехов», — пишет Е. В. Анисимов. Действительно, упоминание об этом есть во второй редакции³⁴. Но в первой утверждается, что впервые Екатерина села на коня еще в 1743 г. в Вареле, «и с той минуты это упражнение стало <...> господствующей страстью» для нее³⁵. «Екатерина самозабвенно любила охоту», — утверждает Е. В. Анисимов³⁶, не обращая внимания на то, что та же Екатерина во второй редакции писала: «По правде сказать, я была очень равнодушна к охоте...»³⁷. Самый замечательный здесь оборот — «по правде сказать». Так и написаны обе редакции «Записок», и серьезный исследователь не может и не должен пройти мимо этого.

Желая «дополнить» заключительную редакцию, современные биографы переносят в свои биографии отдельные эпизоды, описанные в ранней редакции. Но с точки зрения академической это совершенно недопустимо. Если в случае с верховой ездой и страстью к охоте попытка подобного «симбиоза» тотчас же вскрыла бы абсурдность такого методологического приема, в других же эпизодах, где «несовместимость» текстов не бросается сразу в глаза, научная

³⁰ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 18.

³¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 61–62.

³² Там же. С. 223–224.

³³ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 23.

³⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 233.

³⁵ Там же. С. 24.

³⁶ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 304.

³⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 307.

абсурдность такого соединения не настолько очевидна. Поэтому современные авторы, стремясь представить читателю «полнокровную» биографию своей героини, как правило, этого не замечают. Так получается, что «философ в 15 лет» танцует до упаду, увлекается нарядами и драгоценностями.

Особенно выразительно это выглядит в работах Е. В. Анисимова. Образ «философа», нарисованный во второй редакции, он «дополняет» живыми деталями, почерпнутыми из первой редакции. Прежде всего это относится к любви «молодой Екатерины» к танцам и нарядам. «Я так любила танцевать», — цитирует он первую редакцию³⁸. «Теперь можно было танцевать до упаду, одеваться во всё, что захочешь, часами делать прически, которые нравятся». «Екатерина любила наряжаться, и примечательно, что, вспоминая в своих мемуарах далекое-далекое прошлое, она с поразительными подробностями описывает фасон и цвет своих “победоносных” платьев, а также нарядов Елизаветы и других дам»³⁹. Тут же встречается описание ребяческих забав великой княгини. Однако если бы Е. В. Анисимов заглянул во вторую редакцию мемуаров своей героини, он нашел бы там совсем иное описание ее времяпрепровождения в этот период. Три-четыре раза в день она ходила к матери, «остальное время употребляла, чтобы изучать русский язык, играть на клавесине да покупать книги, так что в пятнадцать лет я жила одиноко в моей комнате и была довольно прилежна для своего возраста», — пишет мемуаристка⁴⁰, перо которой начертало в первой редакции: «...игра и туалет наполняли день... мне было 15 лет, наряды не могут не нравиться в этом возрасте»⁴¹.

Если бы Анисимов ознакомился с работой О. Е. Корнилович, то он прочитал бы, что «Екатерина не без задней мысли так много говорит о своих нарядах, прическах и развлечениях: мол, “где уж тут за балами да маскарадами политикой заниматься”. Всё это делалось для того, чтобы доказать, что Екатерина против своей воли была буквально вынуждена вступить на путь политической борьбы и спасти государство, сына и собственную жизнь»⁴².

К сожалению, Е. В. Анисимов не осознал того важного обстоятельства, что мастерство Екатерины как мемуариста в том и заключалось, что она создавала свой текст так, чтобы читатель был убежден: это написано женщиной, которую интересуют прежде «женские радости», а не политика. Заключительная же редакция создана человеком, который развился из «философа в 15 лет», и, конечно же, ничего не говорит ни о фасонах, ни о покроях «победоносных» платьев. Его интересуют совсем иные, «умные» вещи. Хотя понятно, что «философом» Екатерина не была никогда, ни в пятнадцать лет, ни в шестьдесят семь.

³⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 56.

³⁹ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 290.

⁴⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 223.

⁴¹ Там же. С. 61.

⁴² Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 27.

Так же по-исследовательски «простодушно» выглядит и А. Б. Каменский, когда пытается разъяснить наивным читателям, что напрасно императрица Елизавета бранила Екатерину за расточительство. «Надо сказать, что сумма, ассигнованная Елизаветой на содержание Екатерины, была не так уж мала — 30 тысяч рублей в год, однако великой княгине этих денег не хватало. Во-первых, ее мать, покидая Россию, оставила ей около 60 тысяч рублей долгов. Во-вторых, придворная жизнь того времени была очень дорогой. И не потому только, что великой княгине согласно правилам хорошего тона полагалось появляться на официальных мероприятиях (?! — М.С.) в дорогих нарядах, но и потому, что она была принуждена постоянно делать дорогие подарки всем окружающим. Это также входило в правила поведения, причем чем выше было положение дарителя, тем дороже должны были быть его дары. В елизаветинское время на подарки смотрели прежде всего с точки зрения их стоимости, эстетическая ценность дорогой табакерки, украшений и прочего волновала одариваемых значительно меньше».

Очень тонкое наблюдение московского эксперта. Или вот что еще пишет московский историк относительно подарков, которыми в действительности Екатерина «нейтрализовала» соглядатаев императрицы и расплачивалась с собственными. Елизавета Петровна нередко ругала великую княгиню за расточительство, и Екатерина, конечно же, не была экономна: она любила хорошо одеваться, покупать драгоценности, а дорогие подарки, которые она раздавала, вполне соответствовали избранной ею тактике поведения, т.е. задаче нравиться всем. «Поэтому она всё время была в долгах»⁴³.

К сожалению, ни Е. В. Анисимов, ни А. Б. Каменский, я уже не говорю об М. А. Рахматуллине и Н. И. Павленко, не поняли природы конфликта Елизаветы и Екатерины. Это особенно непростительно первому из них, автору нескольких книг о дочери Петра Великого, в которых почти дословно воспроизведены едва ли не все негативные характеристики Елизаветы из екатерининских мемуаров. Загипнотизированные мнимой откровенностью биографы поверили, что Екатерину притесняли совершенно безосновательно. А. Б. Каменский, следуя едва ли не во всём «подсказкам» автора «Записок», отмечал, что «для стареющей Елизаветы, уделявшей большое внимание своей внешности и очень страдавшей от постепенного исчезновения красоты, расцветавшая молодая княгиня становилась невыгодным фоном и превращалась в объект постоянной зависти и раздражения»⁴⁴. Историк, как и его собратьям по перу, невдомек, что описывая свои «победоносные» платья, вызывающие ревность стареющей императрицы, мемуаристка мастерски старалась внушить своим читателям, что именно из-за них и только из-за них ее, молодую и наивную девочку, преследовала капризная, утрачивающая свою былую красоту царица. Это был удачный

⁴³ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 48–49.

⁴⁴ Там же. С. 36.

прием мемуаристики, с помощью которого ей удавалось утаить истину. Биографы периода перестройки, как зачарованные, повторяли за ней.

«На императрицу было мудрено угодить, ее капризам не было конца», она бранила Екатерину без всякой причины, писал Е. В. Анисимов⁴⁵. Обладай писатель хоть малой толикой исследовательской интуиции, он не смог бы не почувствовать, что эта вздорная женщина помимо капризов имела серьезные основания подозрительно относиться к невестке. Мемуаристка очень ловко сумела внушить мысль о том, что интриговала не она, а другие лица против нее. «Екатерина поняла, — пишет Е. В. Анисимов, — что за блеском двора Елизаветы скрываются грозные интриги»⁴⁶. Очень тонкое замечание! Екатерину «окружали интриги, неискренность, подозрительность, ревность», — вторит ему А. Б. Каменский⁴⁷, следуя едва ли не всем «подсказкам» мемуаристики и несколько не уступая предыдущему автору в исследовательской пронизательности.

Мысль о том, что интриги могли исходить от самой Екатерины, тенью промелькнула у Н. И. Павленко. Анализируя инструкции, данные А. П. Бестужевым обер-гофмейстерине М. С. Чоглоковой относительно великокняжеского двора, Н. И. Павленко обмолвился (скорее по наитию) о том, что канцлер увидел в великой княгине активную натуру, склонную к интригам⁴⁸. Однако сам историк такую в своей героине рассмотреть не сумел. Обычно инструкцию А. П. Бестужева в той ее части, где речь идет о Петре, трактуют так, что она свидетельствует: образ полуинфантильного мужа Екатерины, нарисованный в ее «Записках», полностью подтверждается запретительными статьями, ибо запрещения — результат поступков наследника⁴⁹. Авторы рассуждают о том, насколько образ Петра, представленный в «Записках», соответствует действительности. Однако им не приходит в голову задаться вопросом, соответствует ли действительности образ самой Екатерины, рисуемый ее мемуарами, и как он соотносится с тем, который встает со страниц инструкции Бестужева⁵⁰, ибо этот документ в той же степени зеркально отражает свойства великой княгини, как и ее мужа. Постановка этого вопроса заставила бы писателей и историков очень серьезно задуматься. Но жанр, в котором работали названные авторы, видимо, этого не предполагал. Им надо было успеть заполнить открывшуюся с наступлением перестройки нишу.

Еще одна отличительная черта перестроечных и постперестроечных биографий «молодой Екатерины» заключается в том, что биографы-панегиристы

⁴⁵ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 300–301.

⁴⁶ Там же. С. 300.

⁴⁷ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 44.

⁴⁸ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 24.

⁴⁹ Там же. С. 23; Анисимов Е. В. «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность. С. 14.

⁵⁰ Инструкции для лиц, назначенных состоять при великой княгине Екатерине Алексеевне и великом князе Петре Федоровиче, сочиненные графом А. П. Бестужевым // Архив князя Воронцова. Т. II. М., 1871. С. 98–111.

наряду со своей реабилитируемой героиней беспрестанно хвалили друг друга, как будто они связаны одной общей целью, некоей круговой порукой. А. Б. Каменский не без лести писал о том «удовольствии», которое ожидает читателя при чтении статьи Е. В. Анисимова⁵¹. Невольно возникает вопрос, что московский автор понимает под словом «удовольствие» и как он умудряется его получать при чтении текстов подобного рода. Трудно испытать «удовольствие», если только в устах А. Б. Каменского это слово не заключает в себе обратного смысла, и при чтении опуса М. А. Рахматуллина. Он настолько ослеплен величием своей героини, что напрочь лишился критического чутья и вопреки своему желанию оказался в ряду панегиристов, современников Екатерины. Но ими зачастую двигали собственные интересы. М. А. Рахматуллин, надо думать, заблуждается искренне и бескорыстно.

Известно, что Потемкин как-то уверял английского дипломата, что если он хочет чего-либо добиться от Екатерины, надо беспрестанно ей льстить. Но только статс-секретарю императрицы А. А. Безбородко пришло в голову составить «реестр достопамятных и общественных событий» за первые 17 лет царствования Екатерины II. В этом реестре перечислялось количество учрежденных губерний, построенных городов, заключенных договоров, одержанных побед, изданных законов. Затем всё суммировалось и подводился итог: «492». Конечно, только Безбородко мог догадаться складывать аршин с фунтом. В душе он, наверное, потешался над своей выдумкой, но желаемого достиг⁵². Едва ли «фактотум» императрицы мог предполагать, что в XX в. у него появится последователь, и не придворный льстец, а профессиональный историк, критически мыслящая личность. Прочитав «реестр», М. А. Рахматуллин совершенно серьезно продолжил его: «К этому надо прибавить, что Екатерина отвоевала у Польши и Турции земли с населением... армия... усилена до... сумма государственных доходов с... поднялась на... то есть увеличилась более чем вчетверо» и т.д.⁵³ Стоит ли удивляться тому, что в сочинении современного панегириста почетное место заняла цитата из «Записок» Екатерины, где она называет себя «честным и благородным рыцарем», единственной движущей силой которого всегда была «самая строгая честность и добрая воля»⁵⁴. Как тонко подметил М. А. Рахматуллин: «Вообще, судя по многочисленным свидетельствам современников, складывается впечатление, что Екатерина II по своим природным качествам была открытым, душевным человеком»⁵⁵.

В этой связи уместно будет привести несколько цитат из переписки «открытого, душевного человека» с английским дипломатом Г. Вильямсом. В ней идет

⁵¹ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 20.

⁵² Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. С. 131–132.

⁵³ Рахматуллин М. А. Непоколебимая Екатерина. С. 24–25.

⁵⁴ Там же. С. 34.

⁵⁵ Там же. С. 39.

речь о больной императрице Елизавете. Екатерина пишет: «Чье-то здоровье более расшаталось, чем когда-либо: вода поднялась в нижнюю часть живота». Вильямс отвечал: «У кого вода поднялась так, тот уже человек обреченный». Екатерина: «Говорят, что на следующей неделе двор возвращается за город, но маловероятно, чтобы тот, кто неделю тому назад едва мог, от отдышки, дойти из своей комнаты до церкви, был бы в состоянии тащиться в деревню по такой погоде». Вильямс был цинично откровенен: «Мои самые большие надежды основаны на великом событии, которое свершится скоро, несмотря на дьявола, колдовство и колдуний». Екатерина: «Чье-то здоровье всё хромает», «императрица не может подняться по лестнице, не задыхаясь... утомление в день именин вызвало страшные боли в животе вместе с прежними страданиями». Так выражалась Екатерина, не чувствуя всего неприличия подобного тона. С каждым новым письмом злорадство возрастает: «Императрица вчера не выходила, так как она не может зашнуроваться вследствие разных болей». «Одышка ее удвоилась; боли в нижней части тела в соединении с болезнью, о которой вы знаете, заставляют опасаться рака; ноги опухли; водянка несомненна; третьего дня она так кашляла, что вчера не встала». Ювелиру Бернарди Екатерина поручила передать канцлеру А. П. Бестужеву, что у Елизаветы накануне были какие-то судороги, ночью ей пускали кровь. Это второй припадок за три дня. Екатерина подтверждает канцлеру, что, когда она будет на месте императрицы, то придаст другой оборот некоторым делам. Далее сообщается, что Елизавета впала в беспамятство, ничего не видела. Пальцы рук судорожно сжались. Руки и ноги похолодели, в чувство привело только кровопускание. На следующий день у Елизаветы три головокружения или обморока, она не узнавала окружающих, волновалась, плакала. Говорила, что боится ослепнуть. «Мой хирург, человек знающий и умный, уверен, что с ней будет апоплексический удар». Вильямс считал болезнь смертельной. Екатерина получила сведения о здоровье императрицы из ее ближайшего окружения. От него Екатерина узнала, что у Елизаветы «матка поражена», о чём она сообщила Вильямсу не без удовольствия. «Императрице лучше, но несомненно, что мозг ее поражен; у нее голова слабее всего, хотя она очень слаба». Лейб-медик сказал женщине, которая ухаживала за Елизаветой, но тайно сотрудничала с Екатериной: «Потерпите, недолго еще вам ее выносить; она не может жить»⁵⁶.

Как справедливо заметил Н. Д. Чечулин, выражения Екатерины по адресу больной страдающей женщины крайне неприличны⁵⁷. Но это — подлинный язык «честного и благородного рыцаря». «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения. Умерла бы она поскорее!» Это — его же слова. Елизавете же

⁵⁶ Correspondence de Catherine Alexciowna, grande dushesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756–1757 // Чтения общества истории и древностей российских. 1909. Кн. II. С. 206, 211, 212, 217; Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л., 1924. С. 92–96.

⁵⁷ Там же. С. 95.

Екатерина писала: «Нет ни того часа, чтобы я Бога на коленях не просила о продолжении бесценного здоровья вашего императорского величества, да и быть иначе не может, покамест я жива»⁵⁸.

Характерно, что Н. И. Павленко, добросовестно переписавший «Записки» Екатерины, точнее, их последнюю редакцию, дал очень высокую оценку сочинению М. А. Рахматуллина. Он особо отметил его работу среди трудов, которые «выделяются научными достоинствами»⁵⁹. Как писал «посредственный писатель» А. Н. Радищев, «всяк пляшет, да не как скоморох».

Резюмируя, следует сказать, что Екатерина — женщина, буквально с первого шага на русскую землю включившаяся в борьбу за обладание тронном, истратившая 657 тыс. руб. (при ежегодном жаловании 30 тыс.) на нейтрализацию соглядатаев, наблюдавших за ней, на оплату осведомителей, сообщавших ей о каждом шаге императрицы, на подкуп нужных ей людей с помощью богатых подарков и имевшая на своей стороне военную силу и подробный план действий на случай внезапной смерти Елизаветы, готовая принести в жертву своим политическим интересам и семейную жизнь и даже радость материнства⁶⁰ — оказалась не по зубам современным биографам.

Одно утешает: среди них не было ни одного выпускника истфака СПбГУ, потому что это заведение 70 лет готовит в своих стенах специалистов, которые до сих пор ставят во главу угла критическое отношение к историческому источнику.

References

- Anisimov E. V.* «Zapiski» Ekateriny II: sillogizmy i real'nost' // «Zapiski» impertatricy Ekateriny II. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1859. M., 1990. S. 3–24.
- Anisimov E. V.* Genshiny na rossijskom prestole. M., 2002.
- Arhiv knjazja Voroncova. T. II. M., 1871.
- Bil'basov V. A.* Istorija Ekateriny Vtoroj. Berlin, 1900. T. I.
- Bil'basov V. A.* Istorija Ekateriny Vtoroj. Berlin, 1900. T. XII. Ch. II.
- Chechjulin N. D.* Ekaterina II v bor'be za prestol. L., 1924.
- Dnevnik A. V. Hrapovitskogo. SPb., 1901.
- Grech N. I.* Zapiski o moej gizni. M.; L., 1930.
- Jejdel'man N. Ja.* Memuary Ekateriny II // Iz potaennoj istorii Rossii XVIII–XIX vekov. M., 1993. S. 154–180.
- Kamenskij A. B.* «Pod sen'u Ekateriny...» M., 1992.
- Kamenskij A. B.* Gizn' i sud'ba imperatricy Ekateriny Velikoj. M., 1997.
- Kornilovich O. E.* «Zapiski» imperatricy Ekateriny II: Vneshnij analiz teksta // Gurnal Ministerstva narodnogo prosveschenia. 1912. № 37. S. 34–74.
- Kornilovich O. E.* «Zapiski» imperatricy Ekateriny II: Vneshnij analiz teksta. Tomsk, 1912.
- Mihajlov O. N.* Ekaterina II — imperatrica, pisatel'nica, memuarist // Moskva. 1990. № 4. S. 199–207.
- Pavlenko N. I.* Ekaterina II Velikaja. M., 1999.
- Rahmatullin M. A.* Nepokolebimaia Ekaterina // Otechestvennaja istoria. 1996. № 6. S. 19–47.
- Rossia XVIII stoletija v izdanijah Vol'noj russkoj tipografii A. I. Gercena i N. P. Ogareva. M., 1990. S. 155–194.
- Safonov M. M.* «Zapiski...» Ekateriny II o sebe i Romanovyh // Vestnik arhivista. 2013. № 3. S. 72–87.

⁵⁸ Там же. С. 25.

⁵⁹ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 9–10.

⁶⁰ Сафонов М. М. Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI. СПб., 2007. С. 100.

- Safonov M.M.* Angal't-Cerbstskaja devstvennica // Tehnologija vlasti. Nestor. № 7. SPb., 2005. S. 193–227.
- Safonov M. M.* Bol'shoj dvor protiv Malogo // Rossijskij imperatorskij dvor i Evropa. Dialogi kul'tur. Trudy Gosudarstvennogo Jermityaga. T. XXXVI. SPb., 2007. S. 95–101.
- Safonov M. M.* Zaveschanie Ekateriny II. SPb., 2012.
- Sochinenja imperatricy Ekateriny II. SPb., 1907. T. XII.
- Spravochnyj tom k zapiskam E. R. Dashkovej, Ekateriny II, I. V. Lopuhina. M., 1992.
- «Zapiski» imperatricy Ekateriny II. London, 1859. Reprintnoe vosproizvedenie. M., 1990.
- «Zapiski» imperatricy Ekateriny II. M., 1989.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания 1859. М., 1990. С. 3–24.
- Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. СПб., 2002.
- Архив князя Воронцова. М., 1871. Т. II.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Ч. II. Берлин, 1900. Т. XII.
- Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
- Дневник А. В. Храповицкого. СПб., 1901.
- Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.
- Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
- Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992.
- Каменский А. Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- Корнилович О. Е.* Записки императрицы Екатерины II: Внешний анализ текста // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 37. С. 34–74.
- Михайлов О. Н.* Екатерина II — императрица, писательница, мемуарист // Москва. 1990. № 4. С. 34–74.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 1999.
- Рахматуллин М. А.* Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 19–47.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1990. С. 155–194.
- Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. М., 1992.
- Сафонов М. М.* Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. Nestor. № 7. СПб., 2005. С. 193–227.
- Сафонов М. М.* Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI. СПб., 2007. С. 95–101.
- Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002.
- Сафонов М. М.* «Записки» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 72–87.
- Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII.
- Чечулин Н. Д.* Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л., 1924.
- Эйдельман Н. Я.* Мемуары Екатерины II // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 154–180.
- Correspondence de Catherine Alexiewna, grande dushesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756–1757 // Чтения общества истории и древностей российских. 1909. Кн. II. С. 1–330.